

ПАРТИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ (¹).

1. Что такое профессиональный союз.

Профессиональные союзы существуют десятки лет и в нашей стране, и в других странах; сотни, тысячи и миллионы рабочих состоят в них членами, но немногие задумываются поглубже над тем, что представляет собою эта организация.

Мы заняты будничной работой, каждый тянет свою лямку, не всегда отдавая себе полный отчет — что же такое профессиональный союз.

А между тем мы не сможем сделать ни одного шага вперед, не дав себе отчета в том, каковы функции профессионального союза наших дней в Советской России, в 1919 году, в чем заключается его работа, каков его состав и пр.

На вопрос, что такое профессиональный союз, различные партии, выражая различные классовые интересы, давали и дают совершенно различные ответы. Тут сказывается, прежде всего, точка зрения данного класса — смотря по тому, кто дает ответ. Если на вопрос отвечает представитель либеральной партии, он даст один ответ; если отвечает представитель социал-демократии старого толка, оборонческой, казенной, он даст другой ответ; если отвечает коммунист — он даст третий ответ; синдикалист — четвертый и т. д.

Скажу больше: даже в нашей собственной среде возможны разнообразные ответы на этот счет, в зависимости от эпохи, какую мы переживаем.

Каждая организация в этом смысле имеет относительное значение. Возьмите фабрично-заводский комитет. Теперь, вы знаете, у нас спорят, нужно ли дальнейшее существование фабрично-заводских комитетов. Забегая вперед, скажу, что, по моему, безусловно нужно. Каждый из вас чувствует, что функции, работа, обязанности нынешних фабрично-заводских комитетов, действующих при Советской власти, — другие, чем те, которые были еще всего два года тому назад, когда власть была в руках буржуазии. Относительно самые эти понятия. Фабрично-заводский комитет нужен теперь, как и три года тому назад, но уже совершенно ясно, что задачи и функции его совершенно иные. На вопрос, что такое фабрично-заводский комитет по

своей работе, мы бы дали теперь другой ответ, чем три года тому назад. Так и с профессиональными союзами.

На вопрос, что такое профессиональный союз, давались до империалистской войны ответы, из которых я приведу наиболее важные и «классические». Возьму мнение известного теоретика английского профессионального движения, в старой его форме, Вэбба. По Вэббу, «профессиональный союз есть длительное соединение рабочих с целью отстаивать и повышать заработную плату».

В этой формулировке обдуманно каждое слово. Но удовлетворительно ли такое определение?

Конечно, нет. Вэбб прав в том смысле, что, конечно, одной из задач профсоюза является отстаивать повышение заработной платы. С точки же зрения нашей, марксистской, это определение не исчерпывает задач профессионального движения, и мы с этим определением не согласны.

Почему? Определение Вэбба соответствовало той идеологии, представителем которой он являлся, а именно — мелкобуржуазной, трэд-юнионистской. Трэд-юнионисты сами считали себя социалистами и считали в то же время, что союзы существуют только для повышения заработной платы.

Возьмем более левых теоретиков, сторонников старой социал-демократии. Прочитую австрийского социал-демократа, который в этом вопросе безусловно выражал мнение II Интернационала, Дейча. По его словам, профессиональный союз есть объединение рабочих одной профессии, имеющее целью защищать их интересы и в первую голову ставящее своей целью борьбу за улучшение условий труда.

Дейч дает более широкую формулировку, чем Вэбб, и говорит уже об улучшении условий труда вообще; но, во всяком случае, он остается только в рамках улучшения быта рабочих на почве капиталистического строя, и ничего не говорит о социализме, о том, что профессиональные союзы призваны бороться за социалистический переворот. Он не выходит из рамок идеологии II Интернационала; а ведь Дейч был не из худших деятелей продвижения тогдашнего времени. И он, как и Браун⁽²⁾, выражал мнение всего II Интернационала.

Неизвестна научная формулировка, которую дал бы Бебель⁽³⁾, если бы он занялся специально этой целью. Но из его речей, сочинений, памфлетов известно, что он на профессиональные

союзы смотрел как на организации, которые в рамках капиталистического строя борются за реформы, за улучшение быта и жизни рабочих, за увеличение заработной платы, борются за уничтожение безработицы и, при помощи целой системы взаимопомощи, улучшают судьбу рабочих. Такова точка зрения II Интернационала.

Припомню еще мнение такого писателя, как Зомбарт. Это нечто среднее между кадетом и трэд-юнионистом, человек, который недалеко стоит от Шейдемана ⁽⁴⁾; и он говорит, что профессиональный союз — это общество рабочих, имеющее своей целью оказание помощи рабочим и членам их семей во время безработицы и защиту их интересов при заключении договоров о найме.

Мне довелось до войны, в 1913 году, от имени нашей партии скрестить полемическое копье с представителями тех взглядов, о которых я только что говорил. Тогда я пытался дать наше определение профессиональных союзов. А именно — что *профессиональный союз есть длительное соединение рабочих данного производства для руководства экономической борьбой рабочих, для постоянного совместного участия с политической партией пролетариата в освободительной борьбе рабочего класса за уничтожение наемного рабства и установление равноправия во всех сферах жизни.*

Я писал тогда в легальной печати при царской цензуре, и потому многие выражения мои были несколько затушеваны; все-таки смысл определения ясен: в отличие от казенной старой социал-демократической точки зрения мы говорили, что профессиональный союз есть организация, долженствующая действовать совместно с политической партией пролетариата, борясь не только против безработицы, улучшая взаимопомощью положение рабочих, давая субсидии на похороны, отстаивая более короткий рабочий день, но и участвуя совместно с партией во *всей освободительной борьбе рабочего класса за уничтожение наемного рабства.*

Иначе говоря, профессиональный союз должен бороться за коммунизм, за социализм.

Таково было определение, данное нами накануне войны, почти десяток лет тому назад, и тогда отгородившее нас от буржуазного, мелкобуржуазного и казенного социал-демократического лагеря.

Удовлетворительна ли эта формулировка сейчас? Думаю, что нет; эта формулировка в данную эпоху уже неудовлетворительна; я бы не мог повторить ее теперь.

Конечно, она верна в основном, поскольку отмечены две коренных вещи: 1) необходимость работать рука об руку с политической партией и 2) не ограничиваться в рамках капиталистического общества борьбой за реформы, а ломать самые рамки, строить социализм.

Но это не может полностью определить наше отношение к профессиональному союзу в данную эпоху. В данное время надо развернуть эту формулу, надо сказать несравненно конкретнее, как мы смотрим на профессиональный союз.

В самом деле, когда у власти стоит буржуазия, то с нашей точки зрения — с точки зрения революционных марксистов, основной задачей было: профессиональные союзы должны основывать боевые фонды, вести стачечную борьбу, отстаивать интересы рабочих, как продавцов рабочей силы, смотреть на них как на наемных пролетариев. Таковы были альфа и омега программы попрежнему профессионального движения, пока власть была в руках буржуазии.

Теперь — не то. Наши профессиональные союзы никаких стачечных фондов не образуют, а яростно борются против стачек.

Они, часто по инерции, продолжают говорить, что попрежнему «защищают» интересы наемных рабочих, но это только по инерции. Теперь не приходится «защищать» интересы в старом смысле слова, нет покупателей рабочей силы в старом смысле этого слова.

Наиболее отсталые союзы, шкурнические элементы в союзах продолжают, как будто, эту старую песню, что они, дескать, борются против какого-то работодателя, потому что для них Советское государство — обычный предприниматель. Вообще же прежняя основная функция профессиональных союзов после нашего переворота до известной степени исчезла.

Нынешнему передовому, классовому профессиональному союзу отнюдь не приходится, как встарь, сосредоточивать внимание на стачечных фондах, вести стачки, отстаивать в прежнем смысле слова интересы наемных рабочих, как продавцов рабочей силы. Перед ними встали другие задачи.

И это мы констатировали с первого момента нашей революции.

Вы помните первый Всероссийский съезд профессиональных

союзов в Петрограде, в начале 1918 года, через несколько месяцев после нашего Октябрьского переворота. Там была принята резолюция, предложенная нашей партией. Докладчиком довелось выступить мне, и резолюцию составлял я.

И в ней говорилось: «Октябрьская революция, передавшая власть из рук буржуазии в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства, создала таким образом совершенно новые условия для деятельности всех вообще рабочих организаций, в том числе и для профессиональных союзов».

И далее было пояснено, в чем повизна этих условий.

Центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент, т.-е. в январе 1918 года — а это можно сказать и в сентябре 1919 г. — центр тяжести должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы, — гласила резолюция, — как классовая организация, профессиональные союзы, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства. Они должны создать продорганы, они должны поднять производительные силы страны, они должны принять самое энергичное участие в организации рабочего контроля, в регистрации и распределении рабочих сил и пр. Вот задача для профессиональных союзов.

Таким образом, после Октябрьского переворота, когда мы впервые пытались формулировать задачи нашего профессионального движения, развивавшегося на фоне пролетарской революции, выброшена была сразу борьба за повышение заработной платы, как основная задача, выброшена была взаимопомощь, которой у нас занимаются с большим успехом комиссариат социального обеспечения и комиссариат труда, и выброшены были страховые учреждения. Целый ряд старых функций мы выбросили и сказали, что профессиональным союзам открыто гораздо более широкое поприще для деятельности другого характера, именно организационно-хозяйственного, и туда перенесли центр тяжести.

Если бы мы теперь попытались дать формулировку того, что такое профессиональный союз в современной Советской России, то должны были бы отступить не только от старой формулы II Интернационала, но и от формулы нашей накануне войны в 1912 — 1913 гг. и частью должны были бы расширить нашу формулу 1918 года.

Я пробовал письменно выработать такую алгебраическую

формулу, но делаю оговорку, что не признаю работы этой вполне удовлетворительной, что новая формула эта недостаточно сжата, и что такие формулировки требуют большой краткости и над ними надо поработать, чтобы они приобрели характер алгебраической формулы, где бы не было ни одного лишнего слова, ни одной лишней запятой.

Но хотя, может быть, внешне неудовлетворительна, все-таки она в основе своей верна. Если бы меня заставили теперь в споре с противником точно и научно ответить на вопрос, что такое профессиональный союз в современной Советской России, я бы сказал:

«Производственный профессиональный союз в России в современную эпоху есть длительное соединение всех трудящихся данного производства, образующее одну из главных организационных баз диктатуры пролетариата.»

«Ставя себе целью энергичное участие под руководством коммунистической партии во всей борьбе пролетариата за коммунистическое переустройство общества и уничтожение классов, современный профессиональный союз переносит центр тяжести своей работы в организационно-хозяйственную область: 1) всестороннее участие в организации производства на коммунистических началах через секции совнархозов и пр.; 2) воссоздание подорванных войною и всем современным кризисом производительных сил страны; 3) учет и распределение рабочей силы по всей стране; 4) организация обмена между городом и деревней; 5) проведение всеобщей трудовой повинности; 6) помощь продовольственным органам государства — кооперации и потребительным коммунам; 7) всесторонняя поддержка делу строительства пролетарской Красной армии; 8) борьба против эгоистических узко-групповых тенденций той части трудящихся, которая, в силу своей отсталости, смотрит еще на пролетарское государство как на обыкновенного предпринимателя, и т. п.

«Будучи школами коммунизма для самых широких слоев пролетариата и полупролетариата, современные профессиональные союзы в то же время постепенно входят составною частью в общий механизм государственной власти, становятся одним из органов рабочей государственности, подчиняясь советам, как исторически данной форме диктатуры пролетариата».

Повторяю, эта формулировка нуждается в большой обработке и целом ряде поправок. Но мне кажется, что в общем и целом здесь описано то, что есть в нынешних наших профес-

сиональных союзах. Это — фотография с того, что происходит в современных профессиональных союзах, и чем они занимаются в настоящее время.

Ведут ли они стачки, как раньше, организуют ли взаимопомощь, медицинскую помощь? Нет. Чем занимаются они? Тем, что через секции Совнархоза участвуют в организации производства, что берут на учет рабочие силы и, при помощи определенного центра, перебрасывают их сегодня с севера на юг и завтра — обратно, помогая Красной армии, или занимаются разрешением продовольственно-хозяйственных задач — как вчера, когда была конференция о картошке. Вот сумма вопросов, интересующих в данное время профессиональные союзы. Вот каким образом нам приходится ответить на вопрос о том, что такое профессиональный союз.

Одной из задач профессиональных союзов является борьба против отсталости масс. Может быть, не масс, — слишком громко сказано, — но отсталых элементов трудящихся, которые смотрят на наше государство глазами обыкновенных наемных рабочих в отношении к обыкновенному предпринимателю. Примеров можно привести достаточно. Не буду брать домашних примеров, а возьму союз грузчиков на Волге.

В союзе грузчиков на Волге, как мне передавали старые партийцы-профессионалисты, одно время были типичные мародерские элементы. Грузчики зачастую зарабатывают несколько сот рублей в день. Грузы же, которые мы отправляем в деревню расхищаются. А профессиональный союз не только не спешит бороться против этого расхищения, но покрывает своих членов. Между тем, профессиональный союз грузчиков есть пролетарский союз, и хотя кучка там и является мародерской, но тем не менее все же это пролетарские массы.

Вот каков этот профессиональный союз. Какова же задача по отношению к такому профессиональному союзу? Поощрять эти тенденции, считать, что это кучка бедных наемных рабочих, интересы которых надо защищать против «эксплоататоров», против Советского государства? Нет. Наша задача обкарпать эту кучку, заставить ее слушаться рабочей дисциплины.

Подобных примеров в Петрограде и Москве найдется сколько угодно. Достаточно взять союз лечебных служащих, и вы увидите целый ряд уродливых явлений, с которыми деятелям профессионального движения, безусловно, приходится бороться.

2. Партия и союзы.

Теперь перехожу к вопросу о взаимоотношениях партии и союзов.

У нас есть формулировки, принятые VIII съездом нашей партии (5) также по предложению петроградской организации. Мне кажется, эти формулировки, может быть, недостаточно полны, но их вполне достаточно для нас, для сознательных коммунистов, для нынешнего собрания.

Там дается, в резолюции по организационному вопросу, следующее определение:

«Советы являются государственными организациями рабочего класса и беднейшего крестьянства, проводящими диктатуру пролетариата. Советы объединяют десятки миллионов трудящихся и должны стремиться объединить весь рабочий класс и беднейшее и среднее крестьянство. Коммунистическая партия является организацией, объединяющей в своих рядах авангард пролетариата и беднейшего крестьянства, ту часть, которая стремится к проведению в жизнь коммунистической программы».

Таковы определения, достаточно точные и вполне удовлетворительные.

Иногда у нас говорят: да, коммунистическая партия — авангард, но она может объединять только маленькое меньшинство рабочих, между тем как профессиональные союзы — это массовая организация, уже объединяющая три миллиона членов. Стало быть, партия должна в известной мере поступаться перед профессиональными союзами целым рядом функций и должна иметь в виду, что она замкнутая организация.

Да и тезисы петроградских товарищей из Совета профессиональных союзов говорят следующее. Второй тезис гласит: «Партия пролетариата *при самых благоприятных условиях* сможет организационно охватить лишь наиболее передовой слой рабочих и рабочих, а не всю пролетарскую массу в целом».

Но этот тезис — ныне неверен, он является отзвуком старого, отзвуком эпохи II Интернационала.

Мы, действительно, прежде заявляли, что партия наша не сможет, даже при благоприятных обстоятельствах, объединить всю массу рабочих или большинство; но тогда у власти стояла буржуазная партия, мы были гонимы, государственный аппарат,

даже в республике, но буржуазной, был в руках буржуазии, мы оставались партией оппозиционной, школа, пресса, парламент, весь колоссальный механизм находился в руках противника. Верно ли это теперь? И да и нет. Сейчас наша партия объединяет в лучшем случае 400 тысяч, полмиллиона членов; ничтожное меньшинство, если брать рабочий класс в целом. Но всегда ли это будет? Нет. Мы утверждаем, что даже при более или менее благоприятных условиях будет не так.

На самом деле; представьте себе момент, когда мы кончим войну, а это будет когда-нибудь, мы уверены, что будет очень скоро; представьте себе, что мы кончим войну с Колчаком и с Деникиным и вернемся к мирному строительству, что революция международная идет таким темпом, как до сих пор, т.-е. быстро мы идем навстречу, распустив паруса, мировой победе, голод прекратился. Мы близки к этому. Урал и Восток полностью накормят нас, когда мы кончим войну и наладим хозяйство. Какая тогда сила в мире сможет удержать сотни тысяч пролетариев, которые хлынут в нашу организацию? Что заставит нас закрыть им двери? Ничто; наоборот, мы широко раскроем их. Когда рабочий будет сыт, когда не будет зависеть от этого ужасного вопроса о голоде и второго вопроса о войне, когда вместе с тем школа будет в наших руках, печать тоже, весь колоссальный механизм будет в наших руках, и мы будем улучшать его с каждым днем, то при этой колоссальной пропагандистской силе наша партия завербует в свои ряды сотни тысяч рабочих и рабочих.

Многие товарищи, участвующие в работе Петроградского Совета профессиональных союзов, переминаются то на правую ногу, то на левую, то в сторону синдикализма, то в сторону оппортунизма, отдавая дань старой идеологии, и это сказалось в целом ряде формулировок Совета и его ошибок. Вот почему я говорю — партия есть авангард пролетариата; та часть, которая обзрывает исторические события в целом, — меньшинство; та, которая проводит программу в целом, — пока меньшинство. Но мы не можем утверждать, как социал-демократы утверждали раньше, что в нашей партии всегда организуется меньшинство. С момента, как власть перешла в наши руки, когда народное образование в наших руках, когда есть множество коммунистических газет, когда нет государственной думы, но есть Советы и профессиональные союзы, с момента, как миновали и минуют

все эти сверхкомплектные трудности, война и голод, и когда мы приступим к более или менее нормальному мирному строительству, громадные потоки, вся пролетарская стихия хлынет к нам; партия не будет только организацией меньшинства, у нас будет весь цвет, все, что есть здорового в рабочем классе.

И отсюда вытекают известные практические выводы в вопросе о взаимоотношениях между партией и советами.

Можно было бы пытаться дать более исчерпывающую формулировку, что такое партия; это не мешало бы; мы знаем из истории германской социал-демократии, что там были люди как Фольмар⁽⁶⁾, как Бернштейн⁽⁷⁾ и многие другие вожаки правого крыла, которые говорили: социал-демократическая партия есть партия реформ, т.-е. такая, которая только старается на буржуазном строе сделать заплатки. Мы иначе смотрим, и наша точка зрения — после VIII съезда нашей партии и после тех тезисов, которые я цитировал, — достаточно ясна.

Надо держаться за ту формулировку, которая дана, не делать ни шага назад, а смотреть вперед. Да, сейчас, пока мы, действительно, замкнутая организация, мы требуем героических качеств от каждого члена партии, мы обязываем его мобилизоваться по первому слову партии, мы требуем самой железной дисциплины, мы требуем, чтобы он забыл о семье, обо всем.

Но не всегда же так будет. Когда мы решим задачи экстраординарные, когда преодолеем трудности, вопрос организационный для партии предстанет совсем в другом виде. Партийная неделя⁽⁸⁾ является ласточкой. Мы в Питере в течение недели завербовали 6.000, и все довольны; и думаем, что это уже успех. Но это небольшой успех. Когда кончится война, у нас будут партийные недели и месяцы по лицу всей России. История работает за нас, враг околевает; и как только он околеет, мы преодолеем все препятствия, и вопрос воспрянет в новой плоскости.

Чем страдают тезисы товарищей из Петроградского Совета профессиональных союзов? Тем, что во всех тезисах их вы напрасно станете искать слова «Советы». Советы для них не существуют. Чтобы дать более «точную» формулировку, они «отвлекаются» от некоторых событий, от фактов, как будто бы их не гущесть в природе. Я не подозреваю конечно, чтобы эти товарищи были против Советов или недостаточно оценивали их; но они все-таки не видят ясно того громадного переворота во всем мировом движении, который вызвали Советы.

Чем же объясняется, что они могли обойти этот вопрос?

У них получилось, что есть узкая организация — авангард, коммунистическая партия, и есть широкая организация — профессиональные союзы. Они позабыли, что есть более широкая, трижды широкая организация, называемая Советами.

Они это упустили из виду. Это наложило отпечаток на все их построение. Чтобы выразиться грубо, в цифрах, получается, примерно, положение такое. Пролетариата у нас 50 миллионов. Эта цифра не точная, но можно ее принять. В нашей партии полмиллиона, самое большее, в профессиональных союзах около 3 миллионов, а в советах организовано, если брать не тех, которые имеют избирательное право по нашей конституции, но тех, которые пользуются избирательным правом при нашей конституции, организовано не менее 50 миллионов. Вот какое соотношение.

Возьмите, в самом деле, такую категорию, как Красная армия; она в профессиональных союзах не организована. Возьмите такую категорию, как сельско-хозяйственные рабочие; они в профессиональных союзах не организованы, а между тем известные слои крестьян, далеко не все, но солидные, в советских организациях существуют — они организованы. Возьмите домашних хозяек, которых мы начали теперь организовывать; это элемент трудовой, нужный, он в профессиональных союзах не организован, а в Советах имеет свое представительство. Целый ряд слоев глубоких, как крестьянство, как Красная армия, которые в профессиональных союзах не организованы, а в Советах организованы.

Не следует исходить из старой, казенной, официальной социал-демократической точки зрения, что есть только две основных формы: партия — узкая и профессиональные союзы — более широкая. Не надо, повторяю, забывать, что есть еще более широкая организация — Советы. Советы — вот то новое слово, которое мы сказали всему человечеству.

Между прочим, синдикалисты, лучшие из них, все время кричали: «вся власть профессиональным союзам», «профессиональные союзы — все», «вот камень, на котором будет построена церковь будущего». А вот теперь лучшие люди всего синдикалистского мира провозглашают — «власть Советам» и на всех языках повторяют: Советы, Советы, Советы. Почему? Они ли не влюблены были в профессиональные союзы! А потому, что они

видят, что Советы это действительная форма пролетарской диктатуры, это — та лаборатория, в которой творится социалистическая революция, это — та форма диктатуры, которую мы живем, дышим, через нее боремся.

Еще раз повторяю: говоря о взаимоотношении союзов и партии, нельзя забывать об этой новой форме рабочей организации, какой являются Советы.

Грубо выражаясь можно сказать, что современный русский рабочий проходит курс обучения в трех классах — партия, советы, союзы. Какой высший «класс»? Конечно, партия. Дело не в амбициях, не в том, чтобы ставить отметки; но три «класса» палидо.

Мы организуем рабочий класс по вертикальной линии и по горизонтальной — «оптом и в розницу». Мы — как люди, которые долго бродили по пустыне и претерпевали жажду, и вдруг добрались до ключа, и трудно вдосталь напиться нам. Мы так истосковались по организации, мы жили, когда у рабочих не было возможности иметь организации; и вот теперь, взяв власть в свои руки, мы стараемся организовать их во всех видах — и через союзы, и через Советы, и через партию, и через потребительскую коммуну, и через клуб и т. д. Одним словом, все возможные формы, которые может выдумать ум рабочего, мы использовали для того, чтобы организовать рабочего. И все-таки во всем этом безбрежном море мы можем отличить три острова, три группировки, три «класса» — и ни в коем случае не два.

Такова в общих грубых чертах, по моему, схема взаимоотношений между этими организациями.

Но что такое Советы?

Есть на этот счет различные мнения. В Англии и в Америке создаются иногда «Советы» при существовании капиталистического строя; название тут то же самое — советы, и поступают как будто бы так же, как у нас: и депутаты, и выборы, и голосования, и обсуждения, и пр.; не хватает только «маленького» — там не было еще пролетарской революции.

И потом удивляются, почему же это их советы захирели; все как будто так же, как у нас в России, а советы захирели. Оказывается, «мелочи» не хватает: там не свалили буржуазию.

В противовес таким хилым «Советам» профессиональные союзы — явление прочное. В Лондоне или в другом центре Англии, может быть, и существуют учреждения, которые называют себя пышным именем «совет», но которые на самом деле

мертвые учреждения. И рядом с ними маленький синдикалистский союз является при данной обстановке, пожалуй, революционным, ведущим вперед. Классической же формой нашей страны для данной эпохи, разумеется, являются Советы.

Можно дальше поставить вопрос, что будет у нас долговечнее: партия, союз или советы?

Кто кого, собственно, переживет и кто будет окончательным наследником? Вопрос не лишен интереса, вопрос серьезный, вопрос о том, как будет идти дальнейшее развитие. И каждому хочется приподнять завесу и заглянуть глазком в будущее, как будет идти дальше, какая организация останется.

Я могу сказать одно: думаю, что дело подвигается к организационному монизму, к единству, что у нас еще будет единый вид организации, и она будет обслуживать все слои трудящихся. Какой же вид будет у этой организации — советы, реорганизованные профессиональные союзы, перестроенные на новых началах — строго производственные, расширенные и впитавшие весь рабочий класс — наша ли партия — об этом гадать трудно и не к чему, и не в этом дело.

За два года взаимоотношения между Комиссариатом Труда и профессиональными союзами упростились чрезвычайно. Эти организации частью слились вместо того, чтобы иметь во всем параллельные организации. Так будет и дальше. Процесс будет идти. Как? Мы не можем знать в подробностях, кто кого переживет и как мы все упростим. Многое мы безусловно выкинем, распустим целый ряд отделов, комиссий, подкомиссий, многое ненужное отомрет, и мы срежем это ножом для того, чтобы сделать более простую и ясную для каждого рабочего государственную организацию.

3. Теория равноправия.

По этому вопросу мы еще успеем поспорить. Но вот вопрос, который надо разобрать сейчас же, чтобы не хромать ни на левую, ни на правую ногу: это — «теория равноправия».

В чем заключается «теория равноправия»?

Есть партия, есть профессиональные союзы. Обе организации очень почтенны, но обе они равноправны, обе должны друг с другом договариваться; когда возникают конфликты, надо добиваться полюбовного соглашения. В продолжение 25 лет

лучшие люди II Интернационала так считали, Бебель так считал.

Было в международной соц.-дем. и другое течение — течение оппортунистов — Зюдекума ⁽⁹⁾, Легина и др.; они считали, что профессиональные союзы поважнее партии, что профессиональные союзы должны сесть верхом на партию.

Бебель требовал равноправия. Но была и еще точка зрения, и я напомним одну речь Каутского, в высшей степени важную. Каутский не всегда был оппортунистом, как теперь; раньше он был настоящим вождем революционных марксистов. И вот во время своего расцвета Каутский скрестил шпагу с Бебелем. В одной из резолюций германской соц.-демократии говорилось: профессиональные союзы и партия равноценные величины. Каутский внес поправку: не равноценные, а равно необходимые.

На первый взгляд спор об одном слове. А когда прения развернулись, мы увидели, что под этим словом скрывались коренные вопросы миросозердания. Равно необходимы — это правильно. Любой музыкальный кружок, где рабочие развиваются в культурном отношении, «необходим для рабочего дела»; он важен, нужен рабочему классу. Это — маленький кусочек целого. И каждая ячейка рабочих важна. В этом смысле и было сказано, что создание одного профессионального союза в историческом смысле ценнее, чем битва при Садовой. Но нельзя сказать, что партия и профсоюз равноценны. Мы не смотрим так, что партия обслуживает политическую сторону, а союз экономическую. Это шаблонная, избитая точка зрения казенной социал-демократии II Интернационала. Для нас же партия, это — синтез; наша партийная программа потому и является таким могучим средством освобождения рабочих, что дает ответы на все вопросы его борьбы: и политические, и экономические, и культурные.

Коммунисты, как определял коммунистический манифест, это — часть рабочих, которые смотрят вперед, которые видят историческое движение в целом; партия это — целый арсенал оружия; партия дает ответы на все вопросы экономические, политические и пр. И в этом смысле нет другой организации, которая была бы ей равноценна. Партия, это — все. Мы не должны сбиваться на старую проторенную дорожку II Интернационала, что надо полюбовно помирииться на том, что есть партия, которая занимается политикой, и есть союзы, которые занимаются экономикой.

Каутский, когда он был революционером, сказал однажды превосходно: кто отделяет политику от экономики, тот сбивается на полицейскую точку зрения. Только полицейские могут так отделять, а с точки зрения исторической, философской этого делать нельзя. Наша партия на том построена, что это неотделимо, она дает ответы на все вопросы, она высшее объединение всех потребностей рабочего класса. И в этом смысле она ни в коей мере не является «равноденной» союзам. Нельзя, поэтому, строить теорию равноправия договаривающихся сторон.

Партия — все, партия — душа рабочего класса. Я это говорю не к тому, что партия, в виду этого, должна грубо обращаться с союзами; нет, партия должна с союзами обращаться бережно, она должна проводить линию изнутри, никаких граждан коммунистической партии второго разряда не должно быть, никакого отношения свысока не должно быть. Тем не менее, мы должны решительным образом отвергнуть так называемую теорию равноценности договаривающихся сторон, она неверна, это наследие старого, гнилого, предательского II Интернационала. Ты будешь заниматься политикой, мы — экономикой, ты не суйся к нам, мы к тебе! Нет. Можем ли мы, большевики, поддерживать теорию равноценности, которую поддерживал даже такой человек, как Бебель? Мы должны ее искоренить, выжечь ее из сознания передовых рабочих. Нельзя так ставить вопрос, что партия есть только политическая организация, а союзы — экономическая. Партия занимается и экономикой, и всем хозяйством, и земельным делом, и образованием, и целым рядом других вопросов, которые в сумме дают содержание жизни каждого рабочего. Вот что такое партия. Партия поэтому должна руководить всеми остальными функциями всех остальных рабочих организаций. И в этом смысле и не может быть речи о равноценности, о равноправии, о договаривающихся сторонах.

4. Синдикализм.

Уместно рассмотреть еще вопрос о синдикализме. Мы его отчасти затрагивали на нашей общегородской партийной конференции.

Коммунистическая большевистская партия ничего общего не имеет с синдикализмом. Синдикализм — это одно из искривлений рабочего движения.

В синдикализме было целых три направления. Был синдикализм реформистский, меньшевистский, он же иногда попахивал и антисемитизмом; был и «центр», к которому примыкал одно время в литературе Чернов, не очень далеко ушедший от правого крыла, и была маленькая группа левых синдикалистов, у которых было кое-что здоровое.

Как только этот вопрос встал на очередь в 1905 — 1906 гг., когда синдикализм стал модой в рабочем движении, наша партия, гоимая тогда и нелегальная партия, заняла принципиальную позицию по отношению к синдикализму. В финляндской деревушке Куоккала, где жил тогда тов. Ленин, мы вырабатывали тезисы по вопросу о синдикализме. Я превосходно помню, как написана была первая статья в газете «Вперед» о синдикализме. Мы отмежевывались от синдикализма и говорили, что ничего общего с синдикализмом не имеем. Мы говорили, что наша партия — за революционное использование парламента — что отрицали революционные синдикалисты. На VII съезде в 1918 году, стоя уже у власти, она вынесла резолюцию, в которой говорилось: если бы превратностью судьбы буржуазная демократия одержала победу, мы не зарекаемся использовать парламент. Мы отделились от синдикалистов, но признали, что есть нечто здоровое у левой части синдикалистов. Это здоровое зернышко заключалось в их утверждении: профессиональные союзы, освобожденные от гиплостных наростов, смогут стать ячейками нового социалистического общества. Идея не очень новая, но правильная. Она была по тому времени здоровая, свежая. В этом мы с ними были солидарны. Но, конечно, мы прибавили, что для этого надо произвести пролетарский переворот, не надо чуждаться политики, надо иметь свой Интернационал. Но синдикалисты не участвовали в международном объединении. Синдикализм во Франции выродился в пародию, в насмешку. Они назначали каждую неделю «всеобщие» стачки, и стачки ни разу не состоялись. Эти стачки были маленькой бурей в стакане воды и компрометировали идею всеобщей стачки. В конце концов, синдикалисты выродились в крикунов, в базарных ораторов, антисемитов. Жуо выродился в предателя и крикуна. А синдикализм, в мировой войне потерпел позорный крах, как меньшевизм и как оборончество.

В каком же смысле кто-либо из наших товарищей может объявить: я синдикалист? Да и про здоровую часть синдикали-

стов надо сказать: синдикалист кривой на один глаз и не видит всей политической борьбы, и не видит, что такое диктатура пролетариата.

Мы должны очистить от синдикализма наше движение; тут пережиток старого. Наше направление ни в какой мере ничего общего с синдикализмом, как учением, не имеет. Из синдикалистов вышли отдельные хорошие товарищи, мы приветствуем таких товарищей и не спрашиваем, кем они были десять лет назад; если они готовы с нами работать, бороться, страдать, укреплять и завоевывать пролетарскую диктатуру — пожалуйста, честь и место.

Но в Петрограде синдикалистское поветрие носится в воздухе. И мне кажется, что настоящему собранию надлежит пресечь зло.

Мы слышали, затем, что во всероссийском масштабе есть течение, близкое к этому, называющееся «индустриалистическим». Товарищи «индустриалисты» ставят дело так, что профессиональные союзы — это все, это нечто в роде государства в государстве. По их мнению, например, союз металлистов должен иметь особую продовольственную организацию — продметалл, и т. д.; не хватает только, чтобы каждый союз завел особую Красную армию — «металлкрасарм», «текстилькрасарм» — это звучит как будто недурно.

Такое умничанье тоже есть, и оно носится в воздухе.

Профессиональные союзы сыграли колоссальную роль, но ведь есть целый ряд отраслей, которые требуют организации в общегосударственном масштабе. Армию нельзя иначе организовать, как в государственном масштабе, народное образование также, продовольствие также; все это нельзя организовать сколько-нибудь успешно иначе, как в общегосударственном масштабе. Вообще нотки кокетничанья с синдикализмом надо отбросить. Мы имеем колоссальный опыт. Надо припасть к нашему кладезю и пить из него, вместо того, чтобы высасывать из пальца, хвататься за интеллигентские выдумки. Этим выдумкам надо решительным образом положить конец.

Суммируя, я еще раз должен сказать, что мы ничего общего с синдикализмом, как направлением, не имеем.

Мы боролись с ним и победили его. Оппортунисты и меньшевики не смогли победить его, потому что синдикализм — это только обратная сторона медали оппортунизма; как флюс левый

«соответствует» флюсу правому, так флюс оппортунизма соответствовал флюсу на левой щеке синдикализма. Они не могли бороться потому, что «уравновешивали» друг друга. Мы же излечили рабочий класс от этой гнилостной опухоли тем, что повели правильную линию диктатуры пролетариата. Мы сумели парламентаризм показать не с точки зрения подкупов, не в аспекте дегенерации и разложения, а в аспекте революционном. Мы победили синдикализм, и наше профессиональное движение не должно иметь ничего общего с синдикализмом или «индустриализмом».

Далее взвесим, хотя бы коротко, вопрос о международной организации профессиональных союзов. Вопрос этот ставится в Коммунистическом Интернационале. Мы итоги нашего размышления по этому поводу изложили уже в форме циркулярного письма. Будет поучительно узнать, как этот вопрос трактуется в международном масштабе.

У нас иные ленинградские товарищи обижаются за то, что у нас будто бы недостаточно «признаются» профессиональные союзы. А в интернациональном масштабе вопрос стоит наоборот. На первом учредительном съезде Коммунистического Интернационала почти все западные представители, начиная с германских спартаковцев, находили, что профессиональных союзов не надо совсем. Они прямо недоумевали, как мы надеемся на профессиональные союзы⁽¹⁰⁾. Германские коммунисты говорили нам: «Профессиональные союзы у нас это — почти полицейский участок, не надо профессиональных союзов. Вы разве не знаете, что профессиональные союзы в Германии хуже, чем Шейдеман, хуже, чем Легин?». Мы спрашивали, как же они рисуют себе конкретно завоевание социализма, где будут организационные зачатки для организации социалистического хозяйства. Они отвечали: «Социализм пойдет через советы, первичными ячейками будут фабрично-заводские комитеты». Они указывали на пример английских комитетов и всяких других (в роде фабрично-заводских старост, которые революционны по существу).

В Коммунистическом Интернационале существует сильное течение, отрицающее необходимость профессиональных союзов, настаивающее на том, что коммунистическая революция пойдет только через советы и таким образом построит новое общество.

Однако, мы считали, что это ошибочный взгляд и что нельзя выплескивать вместе с водой ребенка.

Отрицательный взгляд этот имеет, во всяком случае, свою основу, вытекающая из всей предыдущей истории профессионального движения. В Германии, Австрии и Англии профессиональное движение было настолько гнусно, буржуазно, развращено, что рабочие потеряли всякую надежду на него и решили действовать через его голову. Они пришли к убеждению, что как придется разогнать буржуазные парламенты, так же придется разогнать и желтые профессиональные союзы.

Мы, разумеется, думаем, что опыт их обучит другому. В Берлине уже сейчас совет профессиональных союзов сильно прогрессировал; там большинство независимых социал-демократов, в роде наших повозжизненцев. И я читал в газете яростную руготню Шейдемана по адресу берлинских профессиональных союзов.

Стало быть, эти союзы начинают что-то понимать. Поскольку они будут революционизироваться, поскольку будут создаваться новые условия, и союзы станут новыми.

Я уверен, что здесь, как и в вопросе парламентаризма, правы мы, а не те германские коммунисты, которые, отрицая парламентаризм, отрицают и профессиональные союзы. Профессиональные союзы нужны. Советы старост — только маленькие кустарнические организации. Но надо создать новый красный Интернационал профессиональных союзов.

Эту задачу мы поставили, и мы ее решим. Мы расколем старый профессиональный Интернационал, заседающий в Амстердаме, где выступал Жуо, который во Франции не может выступать на рабочих собраниях, потому что его там освиистывают; в Амстердаме собрались «бывшие люди» и создали желтый Интернационал. Мы создадим красный Интернационал.

Но те из вас, которые заостряют свое копьё против партии, играя на профессиональных союзах и говоря о равноденности и о синдикализме, оказывают плохую услугу красному Интернационалу.

На VIII съезде партии для выработки взаимоотношений ее с союзами были приняты тезисы, более или менее упорядочившие эти отношения ⁽¹¹⁾. Все же трения и конфликты существуют, и хотя не являют собою ничего угрожающего нам, свидетельствуя о жизненности совершающихся в нашей среде организационных процессов, все же, разумеется, желательно устранение всяких поводов ко взаимным недоразумениям.

5. О беспартийности.

Распространено мнение, что профессиональные союзы, теперь «беспартийные», по существу ведут коммунистическую работу.

Это и так и не так.

Со словом «беспартийный» надо обращаться очень осторожно. Мы зовем беспартийных в наши ряды, мы говорим им, что вы завтра будете с нами; но не могу же я сказать, что я сам беспартийный; и я и каждый из нас должен сказать массе: «я не беспартийный и никому не советую быть беспартийным. Беспартийность это — беспринципность. Разве Либнехт был беспартийным?»

«Не беда, что ты беспартийный, по поучись, и будешь в наших рядах». Так должна говорить рабочему любая наша организация. Скажем, всероссийский союз металлистов не должен заявить: «мы союз беспартийный, пожалуйста к нам». Он должен говорить: «рабочие, без различия взглядов, пусть беспартийные, пусть религиозные, независимо от того, в кого и во что верят, хоть в чорта, мы зовем вас в наш профессиональный союз. Но знайте: наш союз — это союз, стоящий за диктатуру пролетариата, за Советскую власть, за мировую пролетарскую революцию, за III Интернационал»...

Не надо втирать очки. Надо говорить, что наша организация принимает и беспартийных, но профессиональные союзы долгим кровавым опытом пролетарского движения добились того, что союзы работают рука об руку с компартией. Беспартийность — это часто знак равенства беспринципности. С точки зрения марксистской беспартийный — то же, что и беспринципный.

Надо создать определенное настроение в рабочей среде насчет беспартийности. Тут профессиональные союзы, на которые остальные смотрят как на беспартийные, должны выбрать свою линию, занять ясную позицию, должны сказать определенно: «беспартийных мы приписываем, но ни в какой мере сами себя к ним не причисляем». Они должны занять позицию, которая совпадает в своей основной плоскости с позицией коммунистической партии.

Профессиональные союзы являются, по словам Маркса, школой социализма или, как я сказал в своем определении, школой

коммунизма, и теперь приходится развернуть эту школу в другом смысле. Уже она и в продовольственном отряде, и в субботниках, и в трудовой дисциплине, и в целом ряде будничных вопросов. Профессиональные союзы являются горнилом, где закаляется рабочий.

Функции профессиональных союзов надо определить рабочему, но нельзя играть с ним в прятки, не надо замазывать правду.

Не скрывая сторон профессионального движения, которые я назвал бы регрессивными, можно и должно сказать, что наше профессиональное движение в общем и целом выполнило громадную революционную роль; и никто не отрицает значения профессиональных союзов: они — становой хребет пролетарской диктатуры.

Вместе с тем есть там некоторые заведомо темные стороны, которым должно смотреть прямо в лицо. В нашей партии, например, недавно была перерегистрация. Что она означала? То, что мы присмотрелись к социальному составу нашей партии, к ее клеточкам, увидели, что пролез к нам мелкобуржуазный элемент, и мы выгнали его и выгоняем.

Не то же ли самое надо проделать и в профессиональном движении? В профессиональном движении разве нет определенных реакционных сторон? Я говорил о грузчиках на Волге. Вы можете найти такие союзы и у нас; они ставят выше всего свою групповую цеховую точку зрения, смотрят на пролетарское государство как на дойную корову и знают только интересы своих фабрик и своей профессии.

Съезды профессиональных союзов и их резолюции с этими уклонами на низах профессиональных не имеют ничего общего. Но в профессиональной бюрократии это есть, и это надо изгнать, искоренить. Наши же прения по этому вопросу должны вскрыть определенный гнойник.

В нашей среде существует неправильное отношение к профессионалистам, а в среде профессионалистов — неправильное отношение к советским и партийным организациям. Они смотрят на наши советские учреждения, как на какую-то палку, как на капрала, защищая и всячески отстаивая интересы своего цеха. Очень часто в целом ряде, по крайней мере, остальных союзов можно наблюдать такие реакционные явления. Надо начать против этого борьбу, и мы, безусловно, легко ее завершим.

6. Огосударствление.

Два слова я хотел сказать относительно огосударствления.

Огосударствление профессиональных союзов неизбежно, и к этому надо идти. Я не думаю, однако, чтобы надо было процесс форсировать, я не предлагаю настаивать, чтобы сегодня, чтобы в этом году профессиональные союзы объявили себя государственными организациями. Это не нужно. Профессиональные союзы становятся государственными организациями, когда они регулируют заработную плату и тарифы, когда мобилизуют рабочих, прикрепляют рабочих к данному городу, производят целый ряд анкетных операций. В этих случаях они выступают как органы государственной власти. Здесь все это можно делать с постепенностью, медленно. В этом вопросе, по моему, больших расхождений нет, и мы можем согласиться на том, что лишь постепенно профессиональные союзы должны входить отдельными зубцами в колеса правительственного аппарата. Над нами не каплет. У нас есть Советы, есть рабочая диктатура, и мы можем дать всевозможные отсрочки для того, чтобы это произошло возможно более нормально, без прыжков. В этом вопросе, мне кажется, мы бы могли быть вполне единогласны; надо только, чтобы наши товарищи совершенно точно определили и формулировали границы места, какое профессиональные союзы могут занимать.

Синдикалисты подбивают, чтобы профессиональным союзам отдать все хозяйство. И тут будет крайне поучительно узнать точку зрения левых эс-эров. Эта партия не так давно имела свой съезд. А из брошюры, недавно изданной и полученной мною на-днях, благодаря любезности Петерса ⁽¹²⁾, я узнаю следующее: по вопросу о рабочей политике они требуют тотчас же передачи всего управления индустрией и транспортом профессиональным союзам в лице Всероссийского общепрофессионального центрального совета профессиональных союзов. Итак, долой народные комиссариаты, Совет Комиссаров — они требуют упразднения Совета Комиссаров и оставления ЦИК. Это тоже не в бровь, а в глаз некоторым нашим «реакционерам», договаривающимся до аналогичных новшеств.

Понятно, конечно, почему левые с.-р. пришли к этому. Наши Советы причинили им порядочно огорчений, и они готовы

отдать власть кому угодно, только не Советам; они пытаются сесть на какого угодно коня, вплоть до профессиональных союзов.

У наших товарищей этого не может быть. Это надо заметить. Где начинается фальшь, там — щель, и в эту щель пролезает партия левых с.-р. Во время великой революции это неизбежно; малейшая фальшь приводит потом к коренным ошибкам; дашь палец, схватят всю руку. Пусть служит это предостережением для тех, кто на эту точку сбивается. Не ходите в эту дверь — встретитесь с такими приятелями, как Камков⁽¹³⁾ и пр., с которыми, я уверен, не желаете встретиться, разве лишь для того, чтобы свести их в ЧК.

По поводу этой фальши надо занять определенную позицию, надо отгородиться сразу и занять строгую, ясную марксистскую позицию.

Нельзя не согласиться с тем, что товарищи профессионалисты имеют право требовать, чтобы в Петрограде и в других местностях были призваны к порядку районные товарищи, которые смотрят свысока на профессионалистов, как на членов партии второго разряда. Этого не должно быть в коммунистической партии; силы распределяет ЦК партии; поставить ли в профессиональный союз, в Наркомпрос ли и т. д., на то прежде всего воля партии. Создается определенный навывк у каждой группы. Так бывало уже в 1911 — 1912 гг., когда большевики, работавшие в профессиональных союзах, часто переживали антагонизм с большевиками, работавшими в подпольи. Из-за того, что товарищи прикрепляются к данной отрасли, создается психологическое напластывание. Но мы должны призвать к порядку тех, кого следует, и мы должны отдать должное профессиональным союзам.

Если в районе такой-то товарищ сказал о профессионалистах худое слово, если тот или иной комиссариат не подчиняется решению конфликтной комиссии, это плохо, как плохо и то, если правление профессиональных союзов не призвало к порядку шкурников. Но самое важное, это — поставить все вещи на свое место, перебрать основные звенья: 1) партия, 2) советы, 3) союзы — так, чтобы каждому отдать должное, обрисовать их историческую роль, установить ясно их взаимные отношения. Только тогда может сколько-нибудь нормально развиваться рабочее движение и только тогда на нашем пути будет меньше уклонов, чем до сих пор.

Я понимаю законное желание каждого заглянуть вперед, предугадать развитие дальнейшего процесса, осветить грядущее; но за этим надо не забывать тех этапов, которые пройдены, кровью и потом рабочих завоеваны, не надо забывать основной формы пролетарской диктатуры, как результат великой революции в нашей стране.

Бесконечный ряд вопросов возникает перед пытливым умом сознательного пролетария, когда он обдумывает то, что сейчас происходит. Но никто не должен уподобляться мухе, которая вертится на мельничном колесе, не замечая, что вертится.

В общем и целом надо призвать к порядку ту часть, которая этого заслуживает, надо использовать весь имеющийся опыт; но не может быть и речи ни о каком контракте с партией, о равноценности, о третейском суде, о двух сторонах. Надо помнить, что высшее, что дал гений рабочего класса, есть коммунистическая партия, и коммунистическая партия контролирует, руководит всем, и она держит бразды правления в своих руках. Кто не подчинится ей, тот погибнет для рабочего класса, кто уклонится хотя на вершок, тот принесет вред рабочему движению.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹⁾ «Партия и профессиональные союзы» — доклад, прочитанный т. Зиновьевым во Дворце Труда в Петрограде в сентябре 1919 г.; доклад издан отдельной брошюрой в издании ГИЗ'а 1920 г. Петроград. 96 стр.

²⁾ Браун, Отто — до войны один из теоретиков германских профсоюзов, с.-д.; в годы войны «шейдемановец»; в конце 1924 г. стал во главе германского правительства, а в 1925 г., 23 января, вышел в отставку.

³⁾ Бабель, Август — см. Г. Зиновьев. Собр. соч., т. VII, ч. 2-я, стр. 45, прим. 2-е.

⁴⁾ Шейдеман Филипп — см. Г. Зиновьев. Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, стр. 46, прим. 6-е.

⁵⁾ VIII съезд партии собрался в марте 1919 г. На съезде присутствовало 301 делегат с решающим голосом и 102 с совещательным. В порядке дня съезда стояли вопросы: 1) отчет ЦК, 2) программа РКП, 3) создание Коммунистического Интернационала, 4) военный вопрос, 5) работа в деревне, 6) организационные вопросы. Съезд принял программу партии, разработанную комиссией, созданной VII съездом партии, и одобрил организацию Коммунистического Интернационала. По вопросу об отношении к крестьянству съезд четко определил линию партии на союз с «средним крестьянством», для чего наметил ряд практических мероприятий по улучшению положения середняка (возможность некоторого снижения налога,

помощь семенами, машинами, продуктами промышленности и т. д.). В резолюции по организационному вопросу съезд определил взаимоотношения между советами и партией.

⁶⁾ Фольмар — см. Г. Зиновьев. Собр. соч., т. VIII, стр. 648, прим. 148.

⁷⁾ Бернштейн, Эд. — см. Г. Зиновьев. Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, стр. 42, прим. 3-е.

⁸⁾ Партийная неделя была проведена нашей партией по всей России 11 — 18 августа 1919 г. По данным т. Зиновьева, оглашенным на общегородском собрании членов РКП, по одному только Петрограду было принято в партию 6.861 чел. из 7.824, подавших заявления о приеме.

⁹⁾ Зюдекум — см. Г. Зиновьев. Собр. соч., т. VII, ч. 2-я, стр. 20, прим. 7-е.

¹⁰⁾ Немедкие коммунисты на I конгрессе Коминтерна доказывали, что нельзя при намечении задач Коммунистического Интернационала дать общее для всех решение вопроса о значении профсоюзов, ибо в различных странах они играют совершенно различную роль. В частности, в Германии профсоюзы после революции отошли на задний план перед советами и фабричными комитетами, взявшими на себя руководство всей экономической борьбой, которая ведется вопреки и против воли профсоюзов. Поэтому, — говорили немедкие товарищи, — уместен вопрос, должен ли революционный пролетариат содействовать развитию профессионального движения. Они сильно сомневались в возможности революционизирования профсоюзов. «Легко сказать: «вы должны сделать их революционными и на место желтых вождей посадить революционеров», но это не так просто сделать; формы организации профсоюзов приурочены к старой государственной системе, а система советов не может быть проведена на основе объединения по ремеслам».

¹¹⁾ IX съезд партии в своей резолюции о профсоюзах точно определил взаимоотношения между партией и союзами. Свое влияние на широкие беспартийные слои трудящихся партия проводит через коммунистические фракции и ячейки во всех других рабочих организациях, профессиональных союзах в первую голову. Лишь в той мере, в какой профессиональные союзы, оставаясь формально не партийными, становятся коммунистическими по существу и проводят политику коммунистической партии, лишь в этой мере обеспечена диктатура пролетариата и строительство социализма. Поэтому в каждом профессиональном союзе должна существовать дисциплинированная, организованная фракция коммунистов. Каждая партийная фракция является частью местной организации, подчиненной партийному комитету, а фракция ВЦСПС подчинена ЦК РКП. Все постановления ВЦСПС, касающиеся условий и организации труда, обязательны для всех профессиональных организаций, а равно и работающих в них членов партии, и не могут быть отменены никакими иными партийными органами, кроме ЦК партии. Местные комитеты, всецело направляя идейную работу профсоюзов, никоим образом не должны прибегать к мелкой опеке над ними. Отношение между местными парткомами и фракциями профсоюзов точно регулируются соответствующими параграфами устава партии».

¹³⁾ П е т е р с — в период первого наступления Юденича, в мае 1919 г., начальник внутренней обороны г. Петрограда и член Петроградского Совета; в августе того же года — член Реввоенсовета образовавшегося Петроградского Укрепленного района. Ныне — видный работник ГПУ.

¹⁴⁾ К а м к о в — см. Г. Зиновьев. Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, стр. 535, прим. 2-е.